

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ПОДХОДЫ, КРИТЕРИИ И НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ¹

© **Воронцов С.Г.**²

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь

Понятия «эффективность права», «эффективность правового воздействия», «эффективность правового регулирования», или «эффективность правовых норм» не имеют в российской юридической науке однозначного понимания. Нет среди российских ученых и единого мнения о том, какие же критерии и показатели необходимо использовать при оценке правового воздействия. Можно утверждать, что единство взглядов российских ученых правоведов по проблемам названной тематики достигнуто только по двум вопросам. Во-первых, признается, что поиск действенного рецепта оценки эффективности правового воздействия есть дело архиважное. Второе: проблема пока все еще не нашла своего отражения в системном комплексном научном исследовании.

Ключевые слова: эффективность права, эффективность правового регулирования; механизмы правового стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств; условия обеспечения исполнения обязательств.

Краткий обзор отдельных позиций, высказанных в российской юридической литературе по вопросам оценки эффективности права.

Классической дефиницией понятия «эффективность права», как отмечает профессор Г.С. Беляева, считается определение, данное в 1980 г. группой авторов (В.В. Глазырин, В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитинский, И.С. Самощенко) [3, с. 124]. Суть его сводится к пониманию эффективности права как соотношения фактического результата действия норм права с теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты [8, с. 22]. При этом условия эффективности права должны относиться: 1) к самой норме; 2) к деятельности правоприменительных органов; 3) к особенностям

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 16-03-00741 «Система правовых механизмов стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредитора в российском гражданском праве».

² Доцент кафедры Предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, кандидат юридических наук.

правосознания и поведения граждан, соблюдающих или нарушающих требования правовой нормы. Соединение этих условий воедино обеспечивает высокую эффективность действия правовой нормы. Данная теория именуется в российской юридической литературе как «целевая концепция эффективности».

Обозначенный подход является классическим не только в плане данного определения, но и благодаря тому, что соотношением «цель-результат» в качестве приема оценки эффективности права пользовались еще древние греки. В качестве доказательства достаточно привести цитату из сочинений Платона, в которых он пишет о том, что цель законодателя – «сделать людей возможно более счастливыми и дружелюбными. Но разве будут граждане дружелюбны там, где между ними много тяжб и несправедливостей? Нет...» [11, с. 195].

Не смотря на богатое историческое прошлое и классицизм целевая концепция эффективности не находит должной поддержки у современных российских правоведов, которые пытаются дополнить и усовершенствовать ее.

Одной из таких попыток является «плюралистический, интегративный подход» в оценке эффективности права. По сути, он объединяет в себе несколько уже известных вариантов, пытаясь рассмотреть проблему с разных сторон. Среди комплексных критериев оценки профессор Г.С. Беляева, являющаяся сторонником этого подхода, к примеру, выделяет: результативность; соответствие нормы права социальным ценностям и интересам; известность адресату, понятность, непротиворечивость, соразмерность целей и средств, действенная работа правоохранителей, адекватность правовой культуре и правосознанию [3, с. 126].

Разновидностью интегративного понимания проблемы эффективности права является и позиция А.А. Абрамовой, разделяющей критерии эффективности механизма правового регулирования (далее МПР) на общесистемные, статические и динамические. К ним она в частности относит: общесистемные (устойчивость, мобильность МПР, взаимообеспеченность, непротиворечивость, беспробельность, полнота); статические (рациональная структура МПР, структурная полнота, соответствие структуры поставленной цели); динамические (кумулятивность, краткость, упорядоченность, гибкость и темп процесса) [1, с. 6].

Третьим вариантом оценки эффективности права обозначенным в отечественной юридической литературе является так называемая «полезная концепция». В рамках этого подхода результат правового воздействия сопоставляется уже не с целью, изначально ставившейся законодателем, а с

интересами социума. При этом оценивается «способность оказывать влияние на общественные отношения в полезном для общества направлении» [10, с. 3; 13, с. 31-35].

Четвертым вариантом диагностики является «информационный» подход, сформулированный на кафедре предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета. Согласно этой концепции право рассматривается как один из видов массовой информации, имеющей конкретные и просчитываемые ИТ-характеристики [7, с. 16-22]. Этот вариант оценки осуществляется через применение кибернетических моделей и схем, используемых, как правило, при «оцифровке» результативности работы средств массовой информации, рекламных и пропагандистских компаний. Классическим способом такой диагностики является, к примеру, пятивопросная модель Г. Лоссуэлла (Кто говорит? Кому говорит? Что говорит? По какому каналу? С каким эффектом?) [5, р. 88-93].

В качестве следующей, пятой по счету методики, можно считать подход, в соответствии с которым результат правового воздействия сопоставляется с произведенными при этом затратами [4, с. 17-18]. Собственно говоря, это и есть истинное, неправовое, а экономическое понимание термина «эффективность». Значение «экономической» эффективности права трудно переоценить. Очевидно, что величину затрат, производимых при совершении каких-либо действий, необходимо учитывать. Бесспорно, что величина затрат может сделать бессмысленным само достижение цели или свести к нулю все произведенные усилия. При всей очевидности этого утверждения, российское правоведение не особо жалуется этот подход и здорового экономизма в современном российском праве явно не хватает. Даже преподаваемые в отдельных вузах страны учебные курсы на тему «Экономика права» содержательно представляют собой лишь один из вариантов дисциплины «Правоведение».

Нерешенные вопросы теории. Какие вопросы остались за рамками высказанных рассуждений об эффективности права? Чего не хватает в имеющейся теории для того, что бы она без преувеличения могла называться системной и полной? Отвечая на эти вопросы, можно сказать следующее.

Во-первых, не трудно заметить, все имеющиеся рассуждения на тему эффективности представляют собой попытки ответить на вопрос: хорошо ли работает право? То есть то, что право есть и каким-то образом уже работает, во всех вышеназванных подходах презюмируется.

А если права нет? К примеру, из содержания действующих конституций многих стран, в том числе и из текста Конституции России, следует, что не все государства являются правовыми.

Кроме того, отечественному правоведению известна позиция, выказанная Романом Зиновьевичем Лившицем, согласно которой право есть нормативно закрепленная справедливость, несправедливый закон не есть право [9, с. 16]. В развитие этой идеи профессор Л.Ю. Бугров, в свое время, сформулировал целый ряд принципов «неправа»: «отрицание верховенства законов, в узком смысле слова и признание ведущей роли подзаконных нормативных актов; расхождение деклараций и принципов в законодательстве с другими нормами; изложение содержания нормативных актов, затрудняющие их понимание и адекватное толкование; доведение до широкого сведения только части нормативных актов и, как правило, со значительным опозданием; келейная подготовка проектов нормативных актов в основном силами аппаратчиков при формальном участии общественности; нестабильность юридических нормативных актов [6, с. 76-77].

Таким образом, возникает закономерный вопрос, а что делать с теорией эффективности, когда речь идет о неправовых государствах или нормативно-правовых актах, или даже целых отраслях права, которые не являются правовыми по своей сути? Применимы ли в этих случаях имеющиеся подходы?

Представляется, что нет. Прежде чем начинать «лечение», необходимо выяснить, а «жив ли пациент»? Поэтому оправданно начинать решение рассматриваемой проблемы не с понятия и критериев оценки правовой эффективности, а с разработки методик постановки общего диагноза государственно-правовым системам. Примерно так, как это делал Платон. Пользуясь его методикой из вышеприведенной цитаты и данными российской судебной статистики, можно действующее российское законодательство и право на предмет эффективности дальше не исследовать. По Платону право у нас просто не работает.

Фактически критерии эффективности права должна плавно вытекать из положений теории правового государства, которая к стати говоря, тоже пока не обзавелась вразумительными показателями деления государств на правовые и неправовые.

Во-вторых, при разработке теории эффективности необходимо исходить из дуалистической, информационно-административной природы права. Вывод о двойной, дублирующей природе правовых норм вытекает, и из структуры, и из функций правовых норм, и из особенностей механизма правового регулирования. Указание на эту особенность можно найти еще у Платона:

«Издавая законы можно пользоваться двумя средствами – убеждением и силой» [11, с. 175]. Современное правоведение тоже учитывает эту двойственность. В качестве подтверждения можно сослаться и на имеющееся деление основных функций права (регулятивная, охранительная), и на классификации правовых норм. К примеру, профессор А.А. Ушаков, исходя из положений структурно-функционального подхода, делил все правовые нормы на две подсистемы: положительную (или регулятивную) и отрицательную (или охранительную) [12, с. 3-25].

Следовательно, необходимость четко разделять «рецепты» эффективно-го права на два состава. Первые советы будут касаться вопросов, связанных с правилами составления текстов, языком нормативных актов, порядком их опубликования, разъяснения и толкования. А вторая часть рекомендаций должна быть посвящена структуре правоохранительных органов, порядку их работы, распределению полномочий и т.д.

Третье. В науке, в том числе и юридической, существует правило, в соответствии с которым явление, предмет не может быть понят или объяснен из самого себя. Это диктует необходимость изучения вопросов эффективности через сопоставление права с иными видами социальных норм.

В отечественной экономической науке известно и активно используется понятие синергии. Представляется, что этот эффект может достигаться и при осуществлении нормативно-правового воздействия. Эта возможность в российском правоведении пока остается не изученной. Вместе с тем, очевидно, что эффективность права при определенных условиях может блокироваться разнонаправленным действием других видов социальных норм. Право может попадать с ними в резонанс, а может и прибывать в грубом диссонансе.

Сравним, к примеру, правила религиозных норм с отдельными институтами российского гражданского права. Как стимулировать должника к надлежащему исполнению обязательств, если ряд гражданско-правовых правил противоречат религиозным установкам? Тексты Библии (Евангелие от Матфея. 5.42), Тора (Исход. 22:25; Второзаконие. 23:19-20) и Коран (2:275), как известно, не только осуждают, но и запрещают ростовщичество.

Позиция же российского гражданского законодательства иная, ее можно обозначить как «проростовщическую». Поэтому не случайно, что в период экономического кризиса российский банковский сектор только наращивает свои прибыли на фоне продолжающегося обнищания основной массы населения. За период январь-июль 2016 г., к примеру, «кредитные ор-

ганизации заработали в 13.5 раза больше, чем за аналогичный период прошлого года» [2, с. 4].

Очевидно, что добиваться надлежащего исполнения гражданско-правовых обязательств, при дальнейшей реализации этого подхода будет все сложнее.

Рассмотрим еще один пример. Прощение долга является одним из самых поощряемых Новым заветом способом прекращения обязательств. В частности, он упоминается и в тексте одной из основных христианских молитв (... и прости нам долги наши, ибо и мы прощаем должникам нашим...). Гражданский кодекс РФ тоже предусматривает эту возможность. И российские кредитные организации действительно часто отказываются от права требования, продавая долги своих заемщиков за символическую плату в 1.5-3 %. Продажа долга за эту цену является фактическим прощением. Но суть проблемы, возникающей при этом, заключается в том, что эта уступка производится не в пользу должников, или потребительских объединений, способных нивелировать социальный конфликт, а в пользу третьих лиц. Чаще всего такими лицами выступают коллекторские агентства. Чем заканчивается подобное «прощение», обычным гражданам России хорошо известно. С какой целью создается эта социальная напряженность, остается только гадать.

Подобных примеров по отраслям российского права можно привести достаточно много («законность» вместо «справедливости», «состязательность» вместо принципа «объективной истины»... и т.д.). Все это примеры социально-нормативных диссонансных состояний. Степень влияния этих соотношений на эффективность правового воздействия, пути разрешения имеющихся коллизий и другие смежные вопросы, на наш взгляд, еще только ждут своего исследователя.

Список литературы:

1. Абрамова А.А. Эффективность механизма правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2006. – 27 с.
2. Бадмаева И. Когда россияне нищают, банкиры жиреют // Моск. комсомолец. РРЕ. 2016. 17-24 авг.
3. Беляева Г.С. К вопросу о доктринальных и нормативно-правовых критериях оптимизации правового регулирования [Электронный ресурс] // Юридические исследования. – 2015. – № 3. – С. 124-135. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/lr/article_14462.html3.
4. Берекашвили Л.Ш. Проблемы оценки деятельности органов внутренних дел. – М., 1981. – 136 с.

5. Braddock R. An Extension of the «Lasswell Formula» // Journal of Communication. – 1958. – № 8.

6. Бугров Л.Ю. Проблемы свободы труда в трудовом праве России. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та; Информационно-правовое агентство ИНПЭА. 1992. – 236 с.

7. Воронцов С.Г. К вопросу о проблеме эффективности правового регулирования в современной России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – № 3.

8. Глазырин В.В., Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С. Эффективность правовых норм. – М.: Юридическая литература. 1980. – 280 с.

9. Лившиц Р.З. Право и закон в социалистическом правовом государстве // Советское государство и право. – 1989. – № 3.

10. Пашков А.С., Чечот Д.М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. – 1965. – № 8.

11. Платон. Законы / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. – М.: Изд-во «Мысль». 1999. – 832 с.

12. Ушаков А.А. О функциональной и федеративной структуре системы советского общенародного права // Государство. Право. Законность. Перм. ун.-т. – Пермь, 1973. – С. 3-25.

13. Эффективность действия правовых норм / А.С. Пашков [и др.]. – Л., 1977. – 138 с.

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОЗДАНИЕ «ФИНАНСОВЫХ ПИРАМИД»

© Лавелина В.С.¹

Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва

Статья посвящена вопросам уголовной ответственности за создание финансовых пирамид. Масштаб деятельности эти организаций представляют реальную угрозу экономической безопасности государства, так как препятствуют притоку капитала в реальный сектор экономики в результате того, что граждане, мотивированные обещанием высокого дохода, инвестируют свои денежные средства не в покупку ценных бумаг или иных финансовых инструментов либо во вклады в банках, а

¹ Студент.